

гурочка обречена вернуться туда, откуда пришла — слиться с природой.

Читая книгу Я. В. Чеснова, убеждаешься в том, что бытие человека насыщено мифологическими символами и знаками. Путь этнографа, покидающего уют своего кабинета ради поисков этих символов и знаков, также наполняется цитатами из мифов и обрядов. И может быть не случайно размышления автора о мифологеме лошади как знака внешнего, некультурного пространства находят своеобразное продолжение в рассказе о путешествии чеченского этнографа Ахмада Сулейманова на гору Гелой-корга — Священную вершину, на которой жил старик Гела, в одиночестве встречавший солнце. «Сначала он ехал на лошади, потом шел по крутому склону, держась за хвост лошади, потом путь стал настолько труден, что лошадь опустилась на колени передних ног и так шла, хватая зубами корни кустарника или скальные выступы» [Чеснов 2007, 175]. Чтобы приобщиться к жреческому знанию, ученый и его лошадь повторяют ритуальные жесты, хорошо знакомые в других традициях (ср. лошадь, которую немцы Западной Сибири специально тренируют, чтобы она входила в комнату невесты, подогнув ноги [Чеснов 2007, 153]). Есть ли в этом скрытый смысл? Возможно, именно так работают рефлексы нашего глубинного культурного знания? Или мы просто-напросто захотели получить «удовольствие от мнимостей», позволили себе поддаться очарованию случайного сходства?

#### Литература

Гудков, Ковшова 2007 — Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М., 2007.

Кабакова 2001 — Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.

Телия 2006 — Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М., 2006.

Тело в русской культуре 2005 — Тело в русской культуре: Сб. статей / сост. Г. И. Кабакова и Ф. Конт. М., 2005.

Чеснов 1998 — Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии: Учеб. пособие. М., 1998.

Чеснов 2007 — Чеснов Я. В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М., 2007.

А. А. ПЕТРОВА  
(Москва)

### ЖИЛИ-БЫЛИ МОЛОЧНЫЕ РЕКИ: ТРИ КНИГИ ВАЛЕРИЯ МОКИЕНКО

*Рецензия на: Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. — СПб.: Издательский Дом «Нева», 2006. — 576 с.; Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. — 704 с.; Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. 2-е изд., испр. М., Флинта: Наука, 2007. — 464 с.*

Валерий Михайлович Мокиенко, ведущий отечественный фразеолог, в последнее время выпустил на отечественный книжный рынок три своих труда: *Антипословицы русского народа*, *Словарь русских прозвищ* (оба — в соавторстве с коллегой из Грайфсвальда, Харри Вальтером) и *Историко-этимологические очерки фразеологии*.

«Антипословицы»<sup>1</sup> представляют собой книгу-сборник текстов актуальнейшего фольклорного жанра, «именуемого в народе “приколами”». Жанр этот определяется авторами-составителями, вслед за американским паремиологом немецкого происхождения В. Мидером (Mieder), как антипословицы (antiproverbs, Antisprichwörter) и подразумевает под собой «современные варианты и переделки известных русских пословиц, а также меткие остроумные выражения и крылатые фразы, вошедшие в обиход в последнее время». Сборник устроен по словарному типу: материал распределен авторами по лексическому (ключевые слова) и алфавитному принципу.

Материал этот настолько интересен, что мы позволили себе для его характеристики выстроить некоторую структурную типологию:

<sup>1</sup> Книга была выпущена Издательским Домом «Нева» в Санкт-Петербурге, и потому трудно доступна в столице.



1. **Усечение:** *Без труда не вынешь...*;
2. **«Удлинение»-продолжение:** *В здоровом теле здоровый дух. На самом деле — одно из двух; Семь бед — один президент; Глупый пингвин робко прячет, умный — смело достает;*
3. **Контаминация (лексическая и фразовая):** *Нам разум дал стальные руки-крюки; Баба с возу — дальше будешь; Баба с возу — вылетит, не поймает; Баба с возу — волки сыты; Баба с возу — потехе час; Баба с возу — могила исправит; Кончил дело — бабу с возу;*
4. **Игровое переосмысление одного из ключевых слов (лексическая замена, паронимы, англицизмы):** *Почем вы, девушки, красивых любите? Кому алтын, кому Intel Pentium; Семь бед — один RESET;*
5. **Замена ключевого слова неологизмом:** *Остаканись, мгновение! Как от-ГЛЮКнется, хрен отСЛИСКнется;*
6. **Новообразование:** *Есть шанец получить аванец; Нынче носит Адидас, завтра родину продаст; Педагог и офицер — лучший брак в СССР.*

Как видно даже из этой небольшой выборки примеров, традиционные фольклорные механизмы текстопорождения актуальны и при образовании современных «приколов». Бытование таких антипаремий авторы относят не столько к народной культуре, сколько к культуре массовой, порождаемой средствами массовой информации и сетью Интернет. «Не все такие паремии, — отмечают составители, — но особо яркие и активные уже стали языковыми доминантами нашего времени и постоянно тиражируются СМИ (*На халяву и укус сладкий, На халяву и алебастр творог, На халяву и зверь бежит, На халяву и пиво — водка*). <...> В новых условиях — условиях моментального распространения информации через современные масс-медиа, включая и Интернет, не признающий языковых границ и цензурных запретов, — смеховая культура особенно претендует на право приоритетности, языковой новизны» (с. 7). Одним из достоинств книги является список источников, в том числе и интернетовских, типа: fomenko.ru, relax.ru, aforizm.ru, halyava.ru, aif.ru и др.

Как спорный момент отметим включение в сборник литературных

заголовков из СМИ, авторских длинных рифмованных сентенций (например, из газеты «Аргументы и факты»: *Умом Россию не понять, аршином общим не измерить. Зачем же в лодку пса сажать? На выживание проверить*). Надо сказать, что не все из этих выражений вошли в речевой обиход «русского народа». Народная афористика зачастую оборачивается афористикой авторской (в сборник включены афоризмы Михаила Задорнова и авторов «Литературной газеты»).

Комментирование антипаремий не без оснований считается авторами собственной заслугой. Так, принцип структурно-семантического моделирования помогает В. М. Мокиенко и Х. Вальтеру определить новый (за 2000 год) Интернетовский прикол «У осинки не родятся апельсинки» как трансформ славянской оксюморонной модели, выраженной украинской поговоркой *груші на вербі*.

Отметим, что некоторые из антипословиц являются пародией не на афоризмы или народные паремии, а на рекламные слоганы, типа: *Не тормози — отдохни* или *Скушай, милая, пельмень, будешь прыгать как олень*. Причем, источники авторами не приводятся. Надо отметить, что таких переделок рекламных текстов существует не так мало: *Не тормози — кроссвордни* (ср. *Не тормози — сникерсни*), *Дока пицца — нельзя не отравиться* (ср. *Дока-пицца — нельзя не соблазниться*) и т. д., не содержащихся в сборнике.

Подытоживая сделанное, авторы объясняют такое активное «паремийтворчество» наших дней и паремийлогический «стеб» современной культуры как сопротивление языковому «изнасилованию» и целенаправленной «идеологизации» граждан (с. 6).

Со своей стороны отметим, что можно констатировать и появление нового комического жанра, совершенно справедливо отмечаемого авторами сборника, — жанра *прикола*, включающего в качестве вербальной составляющей анекдот, то есть «реальную историю», паремию, антипаремию и другие образования. На наш взгляд, сам жанр издевательской «стебной» переделки пословиц, поговорок, лозунгов, реклам-

ных слоганов, литературных цитат и т. п., при всей древности самого смехового механизма переименования и перевертывания, получил мощный толчок к развитию после лингвистического поворота в *постмодернистской* культуре, ведущим тропом которой была объявлена ирония. Востребованность коротких и «сильно-действующих» текстов резко возросла в эпоху *пост-модерна*, эпоху общества потребления, свободных рыночных отношений и жесткой конкуренции товаров, в эпоху, когда государственная идеология существует наряду с рекламной, а философская ирония французского толка сменяется американским стебом и русским глумом. Все это возвращает к жизни как сами традиционные паремийные тексты, так и лингвосемантические механизмы, с помощью которых они образованы.

Следующая книга В. М. Мокиенко и Х. Вальтера — долго жданный фольклористами первый словарь русских прозвищ. Все прозвища героически собирались авторами по многочисленным (в том числе и диалектным) словарям, публикациям, статьям, сетевым источникам, в работе также была использована диссертация Ю. Б. Воронцовой, выполненная в Екатеринбурге под руководством Е. Л. Березович.

Русские прозвища в авторском предисловии подразделяются на четыре группы: 1) традиционные русские деревенские и городские прозвища; 2) прозвища учителей и учеников, преподавателей и студентов, профессиональные клички; 3) прозвища известных деятелей и знаменитостей (политиков, писателей и публицистов, артистов, шоуменов, спортсменов, олигархов и т. п.); 4) так называемые коллективные прозвища, т. е. обобщенные обозначения лиц разных народностей, жителей отдельных местностей и представителей отдельных профессий.

В первую группу народных прозвищ попали дразнилки фольклорного характера: *Ананий — рог бараний; Андрей-воробей, голеньастый кобель* (с. 66). Здесь же статья «Баба-яга» — уборщица, техничка; Баба-яга в молодости — пионервожатая (с. 73). В связи с этим у фольклориста вызывает сомнения включение в

словарь недолговечных кличек и прозваний из мира шоу-бизнеса и средней школы. Хотя эти прозвания и модели, по которым они образованы, вызывают живейший лингвистический интерес. Авторы, сознавая эту проблему, поступаются «ларинским принципом лексикографической полноты» в пользу «полноты описания типологических моделей наименования». Т. е. отраженным оказывается не все богатство реальных прозвищ, а только выявленные генеративные модели, типичные образцы, по которым «они активно производятся на всем современном языковом пространстве» (с. 12).

Словарь снабжен приложением «Кто есть кто в зеркале прозвищ (биографии знаменитостей)», содержащим краткие жизнеописания популярных личностей от Абрамовича до Ястржембского, куда по неизвестным для читателя причинам включена статья о Маяковском, но где отсутствует статья об Ахматовой (упомянутой уже в первой статье самого словаря («А<sup>3</sup>»). В корпус словаря, кстати, помещена статья «В<sup>3</sup>» (Виктор Владимирович Виноградов), но нет, к сожалению, статьи «Ф<sup>3</sup>» (Филипп Федорович Фортунатов), которая могла бы дополнить список «филологических» кличек и прозваний, образованных по одной и той же модели.

Самое приятное, что «Большой словарь русских прозвищ» позиционируется автором в качестве открытого и, можно сказать, интерактивного проекта. (Что особенно актуально во время расцвета создания и функционирования сетевых прозвищ, никнеймов, пусть больше напоминающих псевдонимы). Все желающие могут присылать авторам свои варианты кличек и прозваний по электронной почте (walter@uni-greifswald.de, mokienko@uni-greifswald.de).

Третья книга «Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии» — образец научно-популярной филологии. Филологии причем разноплановой и разноуровневой: и фразеологии, и этимологии, и фольклористики, и литературоведения.

Надо сказать, что отношения фольклористики и лингвистики только во второй половине XX века породили 139



массу научных течений, это и курская школа лингвофольклористики, и когнитивистика, и этнолингвистика (в 1986 году рецензируемое издание выходило под вторым заголовком «Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии»), В. М. Мокиенко отстаивает установки нового направления русистики — «лингвострановедения», привлекая опыт обучения русскому языку иностранцев, и пытаясь облегчить ученикам и коллегам «постижение национальных реалий».

В данной книге собственно фольклору посвящена четвертая глава из пяти: «Красное словцо и сказка про белого бычка. Русский фольклор и фразеология», содержащая восемь очерков с популистскими названиями: «Свистящие раки, русский байрам и яйценосный петух», «Хлеб, соль и олимпийский огонь» и т. п.

Методологическая установка исследователя по отношению к фольклору остается не до конца проясненной. С одной стороны, В. М. Мокиенко предлагает понимать фольклор достаточно традиционно: «Фольклор, — пишет он, — конечно, не свод законов и установлений, регламентирующих поведение человека. Это прежде всего искусство слова» (с. 303). Тем не менее, автор активно привлекает для своих реконструкций этнографический и исторический материал (а в пятой главе подробно разбирает чихания, слезы и заговоры).

Основной вопрос четвертой главы — соотношение формул фольклора и собственно фразеологических единиц: «Традиционность фольклора, — пишет ученый, — весьма ярко отражается в устойчивости многих так называемых «общих мест» (*loci communi*), которые нередко тяготеют к собственно фразеологии и зачастую в итоге становятся ею» (с. 304).

Автором не всегда предлагается какая-то новая интерпретация известной идиомы: зачастую тот или иной очерк содержит простое описание всех существующих точек зрения, и В. М. Мокиенко просто предлагает придерживаться одной из них. Так, сказочная формула *жили-были* (очерк первый), рассматри-

валась исследователями и ранее: как форма *Plusquamperfect'a* (Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. И. Соболевский, Е. Ф. Будде, В. И. Борковский, П. С. Кузнецов), как синонимическое сочетание (А. П. Евгеньева) или мерянское заимствование (О. Б. Ткаченко). С высказанной в работе 1979 года (!) гипотезой последнего, и соглашается автор книги.

Анализируя интернациональные формулы невозможного, В. М. Мокиенко констатирует, что это «один из самых трудных вопросов фольклористики, этнографии и языковедения» (с. 321). Подробнее он разбирает фольклорную сказочную формулу *молочные реки и кисельные берега*, отвергая ее восточные корни и зависимость от библейского источника: «Народный колорит, шутливо-ироническая окраска, яркая образность — все эти стилистические особенности русского выражения *молочные реки и кисельные берега* восходят к давней устной традиции. Именно этим можно объяснить факт, что оно продолжает жить активно в современном русском литературном языке, в то время как библейское выражение *кипеть млеком и медом* давно уже отодвинулось на языковую периферию» (с. 326).

В главе «Красна девица, белый свет и живая вода» Валерий Михайлович обсуждает вопрос о соотношении фольклорных формул и собственно фразеологизмов: «В фольклорном тексте, — утверждает он, — такие формулы остаются лишь устойчивыми конструкциями с прямым значением и фразеологизация почти никогда не происходит. Вот почему исследователи верно подчеркивают, что «среди фольклорной фразеологии мало идиом и много фразеологических сочетаний». Переход свободного фольклорного сочетания в идиому обычно вызван переключением «жанрового регистра», т. е. перемещением формулы из фольклорного текста в текст художественной литературы» (с. 336).

Но уже в следующей главе исследователь приводит примеры фразеологизации (приобретения переносного значения) фольклорных формул в недрах самого фольклора. Сочетание *хлеб-соль*,

по сказочным, песенным и пословичным контекстам, приобретает помимо прямого значения (еда, пища, угощение) — переносное (забота, попечение). Далее, пускаясь в этнографические комментарии, Мокиенко замечает, что «На целине такой каравай подносится (!) во многих совхозах водителям колонны с хлебом нового урожая» (с. 348). Видимо, *подносится* со времен первого издания книги уважаемого автора уважаемым издательством, не потрудившимся вычитать рукопись перед переизданием (хотя пометка — испр.! в выходных данных значит).

Далее, анализируя былинный оборот *гой еси* и возводя его к глаголу *гоити* 'ухаживать, откармливать', 'исцелять', Мокиенко констатирует, что эта формула, как и сочетание *жили-были*, в виду своей узкожанровой специфики и «некоторой терминологичности и трафаретности» «не достигли фразеологических вершин» (с. 355). Далее он приводит любопытный случай, когда «фольклорная формула может все-таки «прорваться» во фразеологический фонд, даже не успев пройти «сквозь строй» межжанрового употребления» (с. 355). Это случай *белого бычка* из докучной сказки.

В главе «Хлеб, соль и олимпийский огонь» автор отходит от анализа «фольклорного слова», привлекая обрядовый и исторический материал, и приходит к выводу, что «симбиоз материально-вещественного, обрядового и фольклорного содержания формулы хлеб-соль способствовал ее сохранению и в русском национальном сознании, и в литературном языке. <...> На Олимпиаде 1980 года торжественное поднесение хлеба-соли было возведено в ранг официального приветствия гостей этого спортивного праздника. <...> Так древний греческий обычай эстафетной передачи олимпийского огня неожиданно слился в единое целое с не менее древним славянским обрядом» (с. 347—348).

Однако одной четвертой главой, фольклорный след в книге не исчерпывается. В очерке «Ивановская площадь или ивановская мочь?» исследователь приходит к выводу, что «прилагатель-

ное *ивановский* <...> первоначально относилось не к площади или колокольне Ивана Великого, но к герою русского фольклора — Иванушке-дурачку. Замена притяжательного прилагательного *Иванов* на относительное *ивановский* достаточно типична для разговорного языка» (с. 76).

Самым удачным, равно как и самым остроумным очерком в книге является, пожалуй, очерк (из главы о темных словах) «Фикобилины, кубра, кондра и глокая куздра». Фольклорно загадочные слова *конда*, *пенда* и *кондра*, *пендра* сопоставляются Мокиенко с сакраментальной щербовской *глокой куздрой*. Автор приходит к выводу, что «...все эти слова роднит общая «грамматическая понятность» при затемненности лексического значения» (с. 99). (Выходит, что незачем Л. В. Щербе было выдумывать свою *куздру*, а достаточно было обратиться к фольклорной *конде* и *пенде*). Щербовской *куздре*, по мнению автора, «запущенной в широкий читательский мир» повезло больше, чем «новгородской *кубре*, которая так и не вышла за границы малоизвестной скороговорки, или калужской *кондре*, оставшейся в лоне редкой загадки» (с. 99). Для фольклориста, всегда имеющего в виду региональную принадлежность своего объекта исследования, вывод более чем спорный. Неужели в калужских или новгородских деревнях *куздра* вытеснила *кондру*, уже не говоря о том, что мало кто из не-филологов в обеих столицах вообще слышал о существовании этой гениальной щербовской «загадки».

Таким образом, все три книги мастера, безусловно, полезны и интересны для исследователя традиционной культуры и русского фольклора. Титанический труд исследователя, выпустившего за два года два полномасштабных сборника («Антипословицы русского народа» и «Большой словарь русских прозвищ») с применением принципиально новых и оригинальных методов собирания и описания материала, оказывается несколько скомпрометированным недодуманным и неотредактированным издательским проектом («Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии»).